

¹⁴ Greenwood, op. cit. at. 32.

¹⁵ Commentary, III Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War. Ed. Jean S. Pictet. Geneva, 1960, at 18.

¹⁶ Собрание актов Президента и Правительства РФ, 20 декабря 1993, № 51, ст. 4931.

¹⁷ См.: Приказ Министра обороны СССР № 75 Об объявлении Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и Дополнительных протоколов к ним. М., Воениздат, 1990. Приказ остается в силе для Вооруженных Сил РФ.

¹⁸ В настоящее время военно-юридическая служба Вооруженных Сил РФ завершает работу над всеобъемлющим наставлением по правовой работе в ВС РФ, в которое отдельной главой войдут указания по применению норм МГП.

¹⁹ Руководство по действиям подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации в составе войск ООН. М., ВТИИ, 1995, с. 10.

²⁰ Наставление по подготовке и проведению операций по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств. М.: Штаб по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ, 1997, с. 19

²¹ По состоянию на начало 1998 г., когда курсы военных наблюдателей ООН еще входили в состав 1-х Высших офицерских курсов “Выстрел” имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА КАК ХРАНИТЕЛЬ МГП*

Ив САНДО**

Вступление

Международный Комитет Красного Креста (МККК) прежде всего известен проводимыми им во всем мире операциями помощи жертвам вооруженных конфликтов и ситуаций напряженности внутри страны.

Менее известна его роль “хранителя” международного гуманитарного права — права, применяемого во время вооруженных конфликтов. Эта сложная функция тесно связана с основанием МККК. Впоследст-

* Статья написана Ивом Сандо для сборника “*Mélanges Sahovic*”, опубликованном в “*Yugoslav Review of International Law*” в 1996 г.

** Директор Управления международного права и политики МККК

вии международное сообщество официально поручило ему ее выполнение. В настоящей статье сделана попытка точно определить роль хранителя и раскрыть ее значение глубоко и подробно.

МККК был основан в 1863 г.¹ для рассмотрения предложений, которые высказал Анри Дюнан в своей книге о битве при Сольферино. Случайно оказавшись на месте кровавого сражения, Дюнан сделала то же, что МККК предстояло делать во время войны на протяжении всей своей истории: первой его мыслью было оказать практическую помощь раненым. Он безотчетно применил принцип гуманности — стараться всегда и везде “предотвращать и облегчать страдания людей”², — который до сих пор является основным принципом всего Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, и немедленно предпринял все возможное, чтобы организовать оказание помощи тысячам раненых, которых оставили умирать на поле боя.

Но это было только начало. Считая, что он должен поделиться пережитым, и будучи прирожденным рассказчиком, Дюнан написал книгу “О воспоминание о битве при Сольферино”³, которая имела в Европе огромный успех. Его выступление в роли очевидца было, однако, лишь частью гораздо более обширной программы. За ним последовали два предложения, которые вызвали большой резонанс и имели далеко идущие последствия. Первое заключалось в том, чтобы объявить армейские медицинские службы нейтральными и снабдить их отличительной эмблемой — тогда бы они могли работать на поле боя. С этого началось развитие международного гуманитарного права. Второе предложение состояло в том, чтобы создать в мирное время добровольные общества помощи, которые выполняли бы вспомогательную роль по отношению к армейским медицинским службам во время войны. Так зародилось Движение Красного Креста⁴.

МККК был создан, чтобы рассмотреть эти два предложения и претворить их в жизнь. Книга Анри Дюнана подготовила почву, поэтому оба предложения имели чрезвычайный успех. В конце 1863 г., того самого года, когда был основан МККК, появились первые добровольные общества помощи — будущие национальные общества Красного Креста или Красного Полумесяца. 22 августа следующего 1864 года была принята Конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях. Она явилась источником международного гуманитарного права.

Итак, связь МККК с международным гуманитарным правом всегда была крепкой и особенной. И до сих пор МККК неизменно повторяет в своей деятельности основные этапы того пути, которым шел Анри Дюнан. Он работает на полях сражений и всегда старается приводить свои действия в соответствие с последними изменениями в способах и средствах ведения войны. Затем он указывает, с какими трудностями он при этом столкнулся, и на такой основе вносит практические предложения по развитию международного гуманитарного права. Короче говоря, он вносит самый непосредственный вклад в процесс

кодификации, в ходе которого рассматривались его предложения и который приводил к регулярному пересмотру и расширению международного гуманитарного права, особенно в 1906, 1929, 1949 и 1977 гг.

Эта особая роль МККК сейчас официально признается в Уставе Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца⁵, который был принят как составными частями Движения⁶, так и государствами-участниками Женевских конвенций, то есть практически всеми государствами мира⁷.

Статьей 5 Устава предусматривается, что МККК должен “выполнять задачи, возложенные на него Женевскими конвенциями, способствовать точному соблюдению положений международного гуманитарного права, применяемого во время вооруженных конфликтов, и принимать любые жалобы относительно предполагаемых нарушений этого права” (ст. 5.2. в), а также “разъяснять положения международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, и распространять знания о нем, а также подготавливать его развитие” (ст. 5.2.ж).

Таковы истоки и современное содержание этой уникальной роли, которую играет в международной системе частное учреждение. Больше мы не будем в настоящей работе останавливаться на том, как эта роль исполнялась на протяжении истории существования МККК; мы рассмотрим значение его роли “хранителя” международного гуманитарного права сегодня.

Нелегко выделить, четко и в логической последовательности обозначить различные стороны этой роли, особенно потому, что некоторые из входящих в нее функций пересекаются между собой. Однако можно предложить их примерную классификацию:

— функция “отслеживания” — т. е. постоянная переоценка гуманитарных норм с целью убедиться в том, что они соответствуют реальным условиям конфликтных ситуаций, и подготовка к их изменению и развитию в случае необходимости;

— функция “катализатора” — т. е. содействие тому, чтобы возникающие на практике проблемы и их возможные решения становились предметом обсуждения, особенно в группах правительственных и других экспертов, независимо от того, требуют ли соответствующие решения внесения изменений в право;

— функция “пропагандиста” — т. е. пропаганда права, помощь в распространении знаний о нем и его преподавании, убеждение государств принимать на своем уровне меры, необходимые для его имплементации;

— функция “ангела-хранителя” — т. е. защита международного гуманитарного права от юридических тенденций к его игнорированию или ослаблению;

— функция “непосредственного действия” — т. е. непосредствен-

ный практический вклад в применение права в ситуациях вооруженных конфликтов;

— функция “сторожевого пса” — т. е. привлечение внимания прежде всего государств и других сторон, непосредственно участвующих в вооруженном конфликте, а через них — международного сообщества в целом к серьезным нарушениям права.

Теперь мы предлагаем более подробно рассмотреть эти аспекты роли МККК как “хранителя” международного гуманитарного права.

1. Функция отслеживания

Эта первая функция является деликатной и сложной. Существует тенденция всякий раз, когда происходят серьезные и широкомасштабные нарушения международного гуманитарного права, обвинять само право. Подобные нарушения, конечно, должны побуждать международное сообщество к действию, однако важно точно узнать, в чем заключается проблема, а не бросаться безоглядно переделывать нормы, тем более, что сегодня это чрезвычайно трудный, дорогостоящий и непредсказуемый процесс.

Повышение уровня преступности в каком-либо регионе обычно не вызывает сомнений в действенности уголовного права, но заставляет задуматься об эффективности существующих средств охраны правопорядка, с одной стороны, и о социологических причинах этого явления и возможных профилактических мерах, с другой. Это относится и к международному гуманитарному праву.

И наоборот, отсутствие средств реализации права в его существующем виде никогда не должно считаться оправданием того, что не разбирается вопрос о его соответствии современным условиям. Отдельные ситуации следует рассматривать беспристрастно и в перспективе, поскольку цель состоит в том чтобы извлечь из них уроки и найти действенные решения.

Недостаточность норм по защите военнопленных, выявленная событиями первой мировой войны, привела к созданию Женевских конвенций 1929 г. Нацистский геноцид еврейского народа в большой степени вызвал их пересмотр в 1949 г. и добавление Конвенции, специально предназначенной для защиты гражданского населения. Бомбардировки городов во время второй мировой войны и более поздние случаи массовых бомбардировок, особенно во Вьетнаме, привели к подтверждению и развитию норм, регулирующих ведение боевых действий, кодифицированных в Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.

Существуют ли в настоящее время достаточные причины для дальнейшего пересмотра и изменения международного гуманитарного права? Именно для ответа на этот вопрос и нужна функция отслеживания, и следует отметить, что поскольку МККК ведет свою работу почти

во всех вооруженных конфликтах, его положение как нельзя лучше подходит для выполнения данной функции.

Конечно, практический опыт показывает, что международное гуманитарное право можно еще совершенствовать и разъяснять. Во-первых, современные нормы по репатриации военнопленных, по-видимому, излишне категоричны. Положение о немедленной репатриации предназначается для того, чтобы избавить пленных от волокиты и чтобы они не становились предметом политического торга. В этом отношении нормы совершенно правильны, поскольку большое число пленных разлучены со своими семьями в течение долгого времени и без достаточных на то оснований, что доставляет большие страдания и им самим, и их близким.

С другой стороны, нерешенной остается проблема пленных, которые отказываются возвращаться домой; в нормах не учитывается тот факт, что по возвращении пленные могут подвергнуться опасности. Поэтому слишком торопиться было бы неразумно; следует принимать в расчет желание самого пленного. Однако нелегко определить, каково оно, ведь пленный может быть объектом пропаганды или подвергаться давлению, ему также могут быть предоставлены ложные или неполные сведения. Поэтому требование уважать желание пленного заставляет задуматься о том, как определить его желание, и в результате вопрос принимает философский характер: что есть свободная воля молодого человека, находящегося под постоянным давлением и являющегося объектом систематической пропаганды? В идеале пленный, заявляющий, что он не хочет быть репатриированным, должен находиться какое-то время на нейтральной территории, но насколько это возможно? Более того, каков должен быть статус пленного, отказавшегося от репатриации, и на какую защиту он должен иметь право? Короче говоря, было бы лучше, если бы первое предложение, столь краткое и категоричное, статьи 118 третьей Женевской конвенции (“Военнопленные освобождаются и репатрируются тотчас же по прекращении военных действий.”) содержало несколько “если” и “но”.

Здесь было бы полезным иметь более четкое определение термина “прекращение военных действий”, а также момента окончания применения Конвенций. Хорошо было бы рассмотреть с этой точки зрения конкретные последствия, вытекающие, в соответствии с международным гуманитарным правом, из соглашений, принятых в процессе мирного урегулирования и касающихся территорий, оккупированных Израилем, а также автономных палестинских территорий и их жителей.

Нормы, относящиеся к признанным Женевскими конвенциями защитным эмблемам, также нуждается в переоценке. Эмблема красного полумесяца на деле приобрела статус, равный статусу красного креста, вопреки букве первой Женевской конвенции⁸, которая признает красный полумесяц только для тех стран, которые уже используют его. Государства-участники Женевских конвенций могут теперь выбирать

между крестом и полумесяцем, и некоторые государства сменили крест на полумесяц⁹. Третья эмблема, признанная Женевскими конвенциями — красный лев и солнце — больше не используется, а существующие эмблемы неприемлемы для Израиля и некоторых стран, население которых состоит как из христиан, так и из мусульман¹⁰.

Вот только три примера, которые показывают, что в некоторых отношениях Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним, возможно, нуждаются в пересмотре. Это относится не только к резолютивной части, но и к положениям, касающимся применения. Универсальная юрисдикция в отношении военных преступлений никогда не действовала как должно, и создание международного уголовного суда для пресечения военных преступлений и преступлений против человечности¹¹ может быть еще одной причиной для пересмотра соответствующих разделов Конвенций и Протоколов¹².

Однако при внимательном рассмотрении становится ясно, что в целом эти документы по-прежнему сохраняют силу, и возникающие сегодня сложности вызваны в основном недостатком средств и желанием их применять. Таким образом, проблема носит скорее политический, нежели юридический характер.

Заявить об этом — одна из обязанностей тех, кто ведет отслеживание, поскольку бессмысленно искать негодные лекарства для реальных болезней. Общий пересмотр международного гуманитарного права был бы, без сомнения, долгим, дорогим и сложным процессом. Хотя он мог бы внести полезные изменения в некоторых областях, столь же вероятно, что он предоставил бы некоторым государствам предлог для отступления от ранее принятых обязательств по важнейшим вопросам. Более того, чтобы достичь в отношении новых норм столь важной для положений, применяемых во время вооруженных конфликтов, универсальности, практически достигнутой в отношении Женевских конвенций¹³ и в значительной степени — в отношении Дополнительных протоколов¹⁴, понадобятся долгие годы и огромные усилия по убеждению, также связанные с трудоемкими процедурами ратификации или присоединения. Другими словами, цена любой попытки пересмотреть международное гуманитарное право кажется в настоящее время слишком высокой по сравнению с пользой от такого шага, тем более, что основные принципы, лежащие в основе этого права — гуманность, беспристрастность и нейтральность, — по-прежнему действенны и не утратили своего первостепенного значения.

Действительно, по-прежнему важно, чтобы в соответствии с принципом гуманности, гуманитарная деятельность в ситуациях конфликта основывалась только на желании помочь жертвам; чтобы в соответствии с принципом беспристрастности, гуманитарная помощь оказывалась жертвам исключительно исходя из их потребностей и уязвимости, без малейшей дискриминации по расовому или какому бы то ни было другому признаку; чтобы в соответствии с принципом нейтральности,

гуманитарную деятельность не смешивали с политикой. Только при соблюдении этих условий она останется приемлемой для всех сторон в конфликте и, таким образом, сохранит свой плодотворный характер.

Однако за последние несколько лет происходили вооруженные конфликты, в которых некоторые основополагающие гуманитарные нормы преднамеренно нарушались или же при этом государственные устои были расшатаны до такой степени, что уже не существовало властей, способных принимать на себя обязательства и соблюдать их. В таких случаях дело с выполнением международного гуманитарного права обстояло плохо, однако было бы излишней поспешностью полагать, что причиной тому было его несоответствие задаче. Такого рода ситуации, несомненно, требуют от международного сообщества принятия должных мер, однако они, конечно, не оправдывают внесения значительных изменений в право¹⁵.

Хотя такой вывод можно сделать в отношении прав в целом, он не относится к конкретным нормам. В соответствии с предоставленным ему мандатом¹⁶ и процедурой пересмотра, предусмотренной в статье 98 Протокола I 1997 г., МККК проконсультировался с государствами-участниками и созвал в 1989 г. совещание технических экспертов для подготовки поправок к приложению, озаглавленному «Правила, касающиеся опознавания». Государства-участники Протокола I впоследствии признали решение этого совещания¹⁷.

Другая область, которую нужно и можно было пересмотреть, не открыв при этом ящик Пандоры, — это нормы, ограничивающие использование конкретных видов обычного оружия. Протокол I подтвердил и развил основные принципы и нормы, регулирующие использование оружия, однако конкретные запреты и ограничения были введены отдельной конвенцией, принятой в 1980 г.¹⁸ и предусматривающей механизм их периодического пересмотра¹⁹.

Следовательно, в этой области процесс пересмотра считался желательным, и МККК поддерживал его сторонников, например, организуя семинары экспертов по вопросам, нуждавшимся в изучении, и принимая активное участие как в подготовительных совещаниях, так и в Дипломатической конференции по пересмотру. Два важнейших предмета требовали внимания: противопехотные мины и ослепляющее оружие. МККК был особенно хорошо подготовлен к рассмотрению проблемы мин благодаря той работе, которую вели его хирурги, а на последующей стадии — протезисты, оказывая помощь жертвам этого вида оружия. МККК основал протезно-ортопедические центры в 34 странах и создал новые технологии, применимые к местным условиям. Мины не щадят никого, они причиняют чудовищные увечья, на которые без содрогания невозможно смотреть.

Поскольку правовые нормы об использовании мин оказались несовершенными, назрела необходимость их переработки. Уникальную возможность для этого предоставил пересмотр Конвенции 1980 г., и МККК

оказал содействие данной работе, поделившись своим опытом — правовым и, что особенно важно, опытом работы на местах, а также взяв на себя инициативу по организации групп экспертов для изучения отдельных сторон проблемы. Например, он собрал группу военных экспертов, чьи выводы показали военную ценность мин в совершенно новом свете²⁰. Таким образом он, несомненно, внес свой вклад в значительные — хотя все еще недостаточные — перемены к лучшему, ставшие результатом процедуры пересмотра. Ниже мы расскажем об этом подробнее.

Обсуждение боевого лазерного оружия началось неофициально на XXV Международной конференции Красного Креста в 1986 г. Впоследствии, технологии в этой области продолжали развиваться, однако лазер еще не использовался в вооруженных конфликтах. Пересмотр Конвенции 1980 г. явно представлял собой идеальную возможность для запрещения его применения в военных целях еще до того, как он появится на поле боя. По этому вопросу МККК также созвал несколько совещаний экспертов и опубликовал отчет об их работе²¹. Эта работа, заключительный отчет и большие усилия по установлению диалога и информационному обеспечению сыграли решающую роль в успешном завершении процедуры пересмотра, в результате которого был принят Протокол о поражающем живую силу оружии, вызывающем слепоту²². что самое главное, Конференция установила, вероятно, раз и навсегда²³, принцип незаконности ослепления в качестве средства ведения военных действий.

В наши намерения, конечно, не входит подробное описание всей работы, проводимой в этом направлении. Мы лишь хотели бы показать, как важно использовать предоставляющиеся возможности, выступать с инициативой в нужное время, спокойно вести свою линию и тщательно подготавливать аргументацию.

Короче говоря, функция отслеживания требует постоянного анализа случаев несоблюдения международного гуманитарного права с целью определить, являются ли они следствием несовершенств самого права и, если это так, достаточно ли серьезны эти несовершенства, чтобы оправдать риск и расходы, связанные с процедурой пересмотра; затем, если представляется, что настало время для пересмотра, необходимо принять меры для содействия этой процедуре и привлечь внимание к гуманитарной стороне рассматриваемых проблем на основании опыта, приобретенного в ходе вооруженных конфликтов.

2. Функция катализатора

Вторая выделенная нами функция — функция катализатора. Недостаточно просто указать на проблемы, связанные с применением международного гуманитарного права; следует способствовать тому, чтобы те, кого они касаются, искали пути их решения. Вторая функция, в некотором смысле, вытекает из первой. Когда появится реальная

проблема, мало сказать, что ее нельзя решить путем пересмотра права. Необходимо пойти дальше и найти возможный выход, действуя не в одиночку — что очень важно — а используя знания и опыт как можно более широкого круга профессионалов. Короче говоря, международное гуманитарное право необходимо сделать активным фактором, чтобы оно могло более адекватно служить интересам тех, кому оно призвано обеспечить защиту и помощь.

Здесь неуместно подробно останавливаться на обдумывании и обсуждении этого предмета, однако можно упомянуть некоторые моменты в качестве иллюстрации.

Когда после Конференции в Рио-де-Жанейро²⁴ проблемы окружающей среды находились в центре внимания всего мира — что вполне понятно — было выдвинуто немало инициатив по ее охране во время войны. Высказывалось даже предложение посвятить этой теме специальную, пятую Женевскую конвенцию²⁵. Налицо была очевидная необходимость всестороннего рассмотрения проблемы, поэтому МККК принял полномочия, предоставленные ему Генеральной Ассамблеей ООН²⁶. Он собрал на совещание ряд экспертов, выводы которых были изложены в отчетах, предоставленных Генеральному секретарю и рассмотренных на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в 1992 и 1993 гг.²⁷ Эта работа и итоговые отчеты ясно показали, в чем заключается проблема, и, между прочим, оказались полезными при разработке базового комплекса норм, которые военные должны соблюдать для охраны окружающей среды во время войны²⁸.

Другим подобным примером конструктивного мышления могут служить усилия, направленные на то, чтобы прояснить обязательства, которые возлагаются на вооруженные силы, используемые непосредственно ООН или государствами-членами ООН во исполнение принятых Советом Безопасности резолюций или предоставленных им мандатов. Эта работа обнаружила, что часто само значение международного гуманитарного права понимается в корне неправильно. Некоторые сочли немыслимым, чтобы используемые в таких случаях вооруженные силы имели какие-либо обязательства в соответствии с этой отраслью права, и считали такую мысль почти оскорблением для ООН. Понадобилось немало терпения и труда, чтобы определить различные ситуации, в которых могут участвовать силы ООН или силы, используемые на основании мандата ООН. Хотя было быстро признано, что операции принудительного характера — такого рода, как проводившееся во время войны в Персидском заливе, полностью подпадают под действие международного гуманитарного права, гораздо труднее было определить правовые обязательства, возникающие в связи с операциями, находящимися на грани между поддержанием мира и установлением мира, как в бывшей Югославии. Не останавливаясь подробно на всех возможных случаях вмешательства ООН, анализ МККК убедил все заинтересованные стороны в том, что вооруженные силы, размещаемые согласно

резолюциям ООН, могут иметь обязательства в соответствии с международным гуманитарным правом, что они в своих собственных интересах должны признать его применимость при определенных обстоятельствах, и что силы ООН должны в любом случае проходить обучение этому праву. После подготовки нескольких предварительных отчетов и проведения семинара, на котором присутствовали специалисты по международному гуманитарному праву, высшие должностные лица ООН и старшие офицеры, возглавлявшие операции ООН²⁹, МККК разработал проект, озаглавленный “Руководящие принципы соблюдения международного гуманитарного права силами ООН”. Проект сейчас дорабатывается в тесном сотрудничестве с Секретариатом ООН, который в установленном порядке представит его государствам.

Третий пример касается перемещенных лиц. В силу важности этого вопроса с гуманитарной точки зрения, он уже широко обсуждался на многих форумах, причем основное внимание уделялось лицам, перемещенным внутри их собственных стран. Комиссия по правам человека даже назначила специального докладчика для рассмотрения данной темы³⁰. Однако многочисленные дебаты и исследования в этой области вызвали некоторую путаницу. Например, было важно пояснить, что подавляющее большинство перемещенных лиц покинули свои дома в связи с вооруженным конфликтом, поэтому на них распространяется международное гуманитарное право. Это, конечно, не обесценивает проделанную работу, поскольку, с одной стороны, не все перемещенные лица подпадают под действие международного гуманитарного права, а с другой — перемещения населения вызывают особые гуманитарные проблемы, которые необходимо изучать. Однако главное — привести в соответствие с существующими нормами положения или рекомендации, предоставляющие более высокую степень защиты перемещенным лицам. Поэтому МККК снова взял на себя инициативу, организовав семинар для экспертов (на который он пригласил, в числе прочих, и вышеупомянутого специального докладчика), чтобы обсудить связь данной проблемы с действующим правом и найти возможные решения не только в области норм, но и в области сотрудничества между организациями³¹.

Любое перечисление действий МККК при исполнении этой его функции было бы неполным без упоминания о серьезном исследовании, которое он намеревается предпринять для определения норм международного гуманитарного права, которые представляют собой часть обычного международного права. Решение о проведении такого исследования было принято XXVI Международной конференцией Красного Креста и Красного Полумесяца³²; и чтобы иметь какую-либо ценность, оно должно быть очень масштабным. Действительно, невозможно предопределить практику и *opinio juris* государств, не проверив эти вопросы, а это требует обширной сети участников, огромного опыта и безупречной координации. Важность данного исследования широко

признана³³. Оно также должно стать (и это не последнее из его достоинств) прекрасной возможностью придать новый импульс размышлениям о международном гуманитарном праве, привлекая к этому специалистов и исследователей со всего мира.

Итак, функция “катализатора” очень важна, и можно привести еще много тому примеров. Прежде чем оставить эту тему, следует упомянуть о связях, которые МККК установил с другими составными частями Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, с международными организациями, которые занимаются вопросами, близкими к международному гуманитарному праву, со многими неправительственными организациями, работа которых в зонах вооруженных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций заставила их критически проанализировать подобную деятельность.

Внутри Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца МККК работает вместе с экспертами из национальных обществ и их Международной Федерации. Обрисованным выше изменениям в праве предшествовали подготовительные совещания с этими экспертами; подобные консультации также проводятся в отношении положений международного гуманитарного права, представляемых на рассмотрение Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца. Короче говоря, МККК постоянно привлекает национальные общества к выполнению данной задачи, а некоторые из них занимаются этим благородным делом и в своих странах.

Что касается международных организаций, разумеется, наиболее охотно МККК сотрудничает с теми из них, чей подход и деятельность наиболее близки его собственным. Например, он поддерживает постоянную связь с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), чему есть причины оперативного характера (МККК и УВКБ часто работают бок о бок на местах), нужно это и для того, чтобы оценить уже проведенные операции и спланировать будущие, поскольку роль УВКБ в отношении права беженцев сходна с той ролью, которую МККК играет в отношении международного гуманитарного права. МККК установил подобные постоянные и плодотворные отношения и со многими другими организациями. Назовем некоторые из наиболее важных:

а) ЮНЕСКО, которая также является хранителем конвенции (Конвенции о культурных ценностях 1954 г.), составляющей часть международного гуманитарного права; функция и признанная компетенция этой организации в области образования представляет также большой интерес в связи с еще одним аспектом, о чем речь пойдет ниже;

б) Центр по правам человека, поскольку право прав человека близко международному гуманитарному праву и в связи со сходным характером большей части исследований, проводимых обоими учреждениями, особенно по различным вопросам, порученным Комиссией по правам человека специальным докладчикам;

в) Департамент ООН по гуманитарным вопросам, который, в соответствии со своим мандатом содействовать координации гуманитарных операций в чрезвычайных условиях³⁴, изучает проблемы, очень сходные с возникающими в процессе применения международного гуманитарного права;

г) Комиссия международного права ООН, которая, в силу своей кодифицирующей функции также рассматривает проблемы, близкие к проблемам международного гуманитарного права, как в случае с проектом международного кодекса для пресечения военных преступлений и преступлений против человечности³⁵.

Что касается институтов и университетов, занимающихся международным гуманитарным правом, конечно, невозможно все их здесь перечислить. Однако МККК, конечно, стремится поощрять создание и развитие широчайшей сети подобных учреждений и заниматься вместе с ними тщательным изучением проблем, связанных с этим корпусом права. По крайней мере один институт упомянуть в связи с этим следует, а именно, Международный институт гуманитарного права в Сан-Ремо. МККК участвовал в его создании в 1975 г. и с тех пор не прерывал с ним сотрудничества. Ежегодные круглые столы Института готовятся и проводятся в весьма тесном сотрудничестве с МККК, а также с УВКБ и Международной организацией по миграции (МОМ). Круглые столы представляют собой форумы неформального обсуждения животрепещущих вопросов, таких как предотвращение конфликтов (1994)³⁶, помощь наиболее уязвимым группам населения и их защита (1995)³⁷, и вооруженные конфликты в странах, где подорваны основы государственной власти (1996)³⁸. МККК также тесно сотрудничал с Институтом в осуществлении крупного проекта, целью которого было определить состояние международного гуманитарного права, касающегося морской войны, и который завершился опубликованием в 1995 г. Руководства Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море³⁹.

Нет необходимости перечислять здесь все неправительственные организации (НПО), с которыми МККК обсуждает вопросы, представляющие общий интерес; однако следует упомянуть те из них, которые в течение последних лет проводили широкомасштабные операции на местах или внесли ценный вклад в развитие международного гуманитарного права либо связанных с ним областей. Наиболее известные организации такого рода — “Международная амнистия” и “Врачи без границ”. МККК регулярно обменивается с ними мнениями и вскоре собирается провести встречу с их руководством⁴⁰, чтобы обсудить проблемы применения международного гуманитарного права.

Этот очерк дает представление о том, что входит в функцию “катализатора” — привлечение экспертов в различных областях, чтобы они, на основании своего практического опыта и глубокого знания существующих норм, взглянули на проблему по-новому, поскольку это необ-

ходимо для применения, толкования и развития международного гуманитарного права, нашли необходимые решения и подготовили новые предложения, служащие развитию права.

3. Функция пропагандиста

Между функциями “катализатора” и “пропагандиста” нельзя провести четкой грани. Конечно, привлечение внимания к трудностям, возникающим в применении международного гуманитарного права, часто помогает сделать эту отрасль права — увы, малоизвестную во многих кругах, — более знакомой и понятной. Именно для этого и предназначена пропаганда, в которой можно выделить несколько аспектов.

Прежде всего, следует поощрять ратификацию государствами документов, которые они разработали на дипломатических конференциях. Чрезвычайно важно, особенно когда речь идет о вооруженных конфликтах, чтобы все стороны руководствовались одними и теми же нормами. Некоторые государства могут не пожелать отказаться от способов ведения войны, запрещенных договором, если не будут уверены, что их потенциальные противники в вооруженном конфликте также откажутся от них. Значит, необходимо делать все возможное, чтобы обеспечить всеобщее присоединение к договорам международного гуманитарного права, а это требует немало усилий.

Во-первых, приходится снова и снова объяснять смысл существования норм, — а некоторые из них, следует признать, в самом деле сложны — депутатам парламентов, министрам, высокопоставленным государственным служащим, высшему офицерскому составу и всем другим должностным лицам, которые должны принять договор или дать рекомендации по данному вопросу. Это означает, что нужно находить в соответствующих странах людей, которые поддерживают договор и готовы защищать его и постоянно напоминать о его существовании (дипломаты, помогавшие его разрабатывать, могли давно отправиться за границу или в иной мир: присоединение и ратификация могут занять немало времени). Но иногда бывает нужно просто не позволять, чтобы о ратификации забыли. Международные обязательства многих стран настолько и сложны, что их государственные службы, перегруженные работой и страдающие от нехватки кадров, не справляются с бумажным потоком. В этом случае задача МККК — не столько выдвигать сложные юридические и политические доводы, сколько убеждать, путем настойчивых уговоров, правительства и высшие эшелоны государственных служб в том, что по своей важности данный вопрос заслуживает рассмотрения ранее остальных. Одна из причин того, что Женевские конвенции 1949 г. к настоящему времени признаны почти повсеместно, а Дополнительные протоколы к ним 1977 г. близки к этому, заключается в том, что МККК, действуя через делегата, несущего за это особую ответственность, и через свои делегации за границей, постоянно поднимает данную тему. В этом ему оказывают неоценимую помощь

национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца, а также правительство Швейцарии, которое как депозитарий договоров взяло на себя некоторую ответственность за содействие их распространению⁴¹.

Второй аспект пропагандистской функции, значение которого в последнее время возросло, — это содействие имплементации международного гуманитарного права на внутригосударственном уровне с помощью законодательных и других мер. Договоры международного права часто “забываются” после того, как они были разработаны и подписаны, и это, к сожалению, может произойти даже тогда, когда теоретически они остаются в силе. Поэтому ряд мер следует принимать в мирное время. Соответственно, МККК уже много лет систематически напоминает государствам, решившим принять участие в Женевских конвенциях или Дополнительных протоколах к ним, об обязательствах, непосредственно вытекающих из этих договоров в мирное время⁴². Эффективность напоминаний зависит от того, как проверяется их действие. Благодаря созданию региональных делегаций внимание государств чаще привлекают к этой их обязанности, и на региональном уровне намечился определенный прогресс, чему особенно способствовала организация семинаров, на которых должностные лица из разных стран могут обмениваться друг с другом опытом⁴³. Интерес и поддержка деятелей науки, членов национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и других лиц также имеют огромное значение.

В 1995 г. был сделан еще один шаг вперед, когда правительственные эксперты, признав, что МККК может оказать большую помощь в этом деле, рекомендовали ему активизировать усилия с целью убедить государства включить международное гуманитарное право в свое внутреннее законодательство. XXVI Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца, на которой присутствовали представители подавляющего большинства государств, подтвердила данную рекомендацию на основании консенсуса. МККК ответил на этот призыв учреждением Консультативной службы для координации подобных усилий и содействия им, а также для составления полной подборки документов по внутригосударственным законам, принятым в означенной области⁴⁴. Поскольку принятие мер на внутригосударственном уровне касается нескольких министерств (юстиции, образования, обороны и иностранных дел), было рекомендовано сформировать межведомственные комитеты или комиссии, и несколько таких структур уже было учреждено. В некоторые из них входят представители национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, которые также играют свою роль в выполнении этой задачи. Кроме того МККК взял на себя инициативу, через свою недавно созданную Консультативную службу, созвать совещание глав уже существующих или только образующихся комитетов и комиссий для обмена опытом предварительной оценки используемых методов⁴⁵.

Третий достойный упоминания аспект пропагандистской функции — помощь в распространении знаний о международном гуманитарном праве, то есть ознакомление с ним всех, кого оно касается, что на деле означает практически каждого. Это договорное обязательство государств-участников Женевских конвенций, которое также предусмотрено в обоих Дополнительных протоколах 1977 г.⁴⁶ Поэтому оно входит в число мер, которые должны приниматься на уровне отдельных государств в мирное время, однако оно заслуживает отдельного упоминания из-за огромных усилий, необходимых для выполнения этой задачи, и величайшей важности, которую она приобрела.

Знание международного гуманитарного права должно иметь как образовательный, так и профилактический эффект. Поэтому необходимо преподавать его основные нормы в школе, даже в самых младших классах. Может показаться нелепым учить школьников как вести себя в том случае, если им когда-либо придется сражаться на войне, однако этот мнимый аргумент не выдерживает критики. Идея, которую надо донести, заключается в том, что определенные важнейшие принципы должны соблюдаться всегда, даже во время войны. При этом необходимо сосредоточивать основное внимание на принципах гуманности (то есть сострадания, сочувствия к уязвимым и попавшим в беду) и беспристрастности (уважения каждого человека, его достоинства и признания того, что перед законом все равны). Это основополагающие права человека, и их следует преподавать в дополнение к тому, что изучается в курсе прав человека. Однако и сами права человека преподаются в школах бессистемно. Чем в более раннем возрасте мы хотим внедрить в сознание идеи международного гуманитарного права, тем важнее связать их с правами человека. Поэтому в данной области сотрудничество и взаимодополняющие действия с основными организациями, занимающимися подобной работой, такими как ЮНЕСКО, имеют большее значение, чем где бы то ни было.

Хотя теоретическое рассмотрение различных концепций возможно и в более глобальном плане, их воплощение в жизнь реально осуществимо лишь на уровне отдельных государств. Поэтому сотрудничество с министерствами образования необходимо по двум причинам. Во-первых, основные принципы международного гуманитарного права должны преподаваться как часть общего учебного плана; уже указывалось, что их не обязательно преподавать как отдельный курс, а можно включить в другие предметы, например, языки, историю и географию⁴⁷. Во-вторых, даже простейшие идеи должны преподноситься с учетом особенностей социальной и культурной среды учащихся, и надо сотрудничать с местными властями и авторитетными лицами. Вот почему МККК старается планировать учебные программы совместно с министерствами образования. В этом отношении соглашение, достигнутое недавно с Российской Федерацией, очень обнадеживает; оно могло бы проложить путь для подобной деятельности по всему миру.

Основы международного гуманитарного права можно преподавать и самым младшим школьникам, однако этого недостаточно. Его нормы должны знать широкая общественность, и здесь ключевую роль могут сыграть средства массовой информации (СМИ), говоря об основных ценностях, освещая или комментируя происходящие события. СМИ могут оказывать и отрицательное воздействие, как показывают трагические примеры конфликтов в бывшей Югославии и Руанде. Следовательно, диалог и сотрудничество со СМИ остро необходимы, особенно в ситуациях конфликтов, где нужно разъяснить цель гуманитарной деятельности и практическое значение международного гуманитарного права, чтобы создать безопасные условия для работы персонала, осуществляющего гуманитарную деятельность.

Международное гуманитарное право никогда не будет правильно пониматься и усваиваться без неустанной и кропотливой работы мысли. Его преподавание в высших учебных заведениях представляется необходимым либо в качестве отдельной дисциплины, дополняющей преподавание прав человека, либо как часть курса по международному праву. Ведь академические круги никогда не заинтересуются по-настоящему каким-либо предметом, если он не развивается стабильно и его нельзя исследовать и преподавать, причем не только на юридических факультетах. Гуманитарная деятельность, как и некоторые аспекты международного гуманитарного права, могут и должны обсуждаться на других факультетах, например, медицинских и социологических. Преподавание международного гуманитарного права в высших учебных заведениях и, возможно прежде всего, критический анализ предмета, нацеленный на будущее, представляются необходимыми, чтобы будущие лидеры в правительственной и иных сферах понимали, к чему могут привести их действия.

Наконец, совершенно очевидно, что в вооруженных силах, которые в первую очередь несут ответственность за применение международного гуманитарного права, этот предмет должен преподаваться постоянно и с учетом особенностей каждого уровня. Здесь целью также является дать импульс, напомнить государствам и командованию вооруженных сил о том, что у них есть договорные обязательства предоставлять такое обучение, и убедить их, что это в их собственных интересах. Военнослужащие слишком часто считают международное гуманитарное право помехой, которая даже может не дать им выиграть войну. Можно доказать не только, что это неверно, но и что верно как раз обратное: армия, соблюдающая гуманитарное право, легче добивается своих целей благодаря большей сплоченности и высокому боевому духу⁴⁸. Если солдаты не будут нести наказания за пытки, мародерство и изнасилования, то они обязательно будут меньше уважать своих офицеров, попустительствующих им. Пострадают авторитет и дисциплина. Многие солдаты начинают спрашивать себя, за что они сражаются, справедлива ли война, которую они ведут. Кроме того, как часто говорят сами солдаты,

если в боевом подразделении идеально обращаются с ранеными и пленными неприятельскими комбатантами, это обычно охлаждает боевой дух противника. Осознав, что люди, против которых они сражаются, не такие беспощадные изверги, как о них говорят, противник не будет драться так отчаянно, как если бы он знал, что плен означает пытки и смерть. Более того, хотя к обязательствам по международному гуманитарному праву не применим принцип взаимности⁴⁹, то, как солдаты обращаются с ранеными и пленными противника, без сомнения влияет на то, как противная сторона обращается с ними самими.

Будучи сам убежденным в этом, МККК старается убедить других посредством ширококомасштабной программы, предназначенной для политических руководителей (министров обороны и даже глав государств или правительств) и старших офицеров (главнокомандующих, начальников штабов, офицеров, отвечающих за обучение). Он организует для старших офицеров обучение на централизованных курсах, часто проводимых Международным институтом гуманитарного права в Сан-Ремо, и региональных семинарах; помогает разрабатывать национальные программы и организует, при необходимости, обучение соответствующих лиц на определенных курсах; а также подготавливает или помогает подготавливать учебные пособия. Эта программа значительно расширена, и число задействованного в ней персонала, особенно местного персонала в региональных делегациях МККК, намного увеличилось. МККК также усилил набор персонала и сформировал группу офицеров из нескольких стран, которые, после тщательной подготовки и с согласия властей соответствующих государств, посвящают определенное время в течение года преподавательской работе. Кроме того, по просьбе некоторых военных властей, созданы специальные обучающие программы для солдат, служащих в войсках, которые специализируются на борьбе с внутренними беспорядками — явлением, в наше время нередким. Ведь проблемы, возникающие в таких случаях, отличаются от тех, с которыми солдатам приходится сталкиваться в ходе вооруженных конфликтов, и гуманитарные нормы здесь тоже иные⁵⁰.

МККК, безусловно, стремится также предоставить бойцам повстанческих сил возможность обучения международному гуманитарному праву, и делает все возможное, чтобы наладить связи с их лидерами. В последние годы МККК пришлось находить новые пути для того, чтобы донести основные идеи международного гуманитарного права до всех, кто с оружием в руках участвует в конфликте, включая даже неорганизованные силы и бойцов, практически предоставленных самим себе⁵¹. Это не простая, но жизненно важная задача: от ее решения зависит сама возможность осуществления гуманитарной деятельности в подобных обстоятельствах.

Таким образом, ясно, что задачи обучения и распространения информации в большой мере являются основой “пропагандистского” аспекта функции хранителя международного гуманитарного права.

Единственной тактикой, доступной МККК, являются поощрение и поддержка научно-образовательной деятельности и создание, если можно так выразиться, эффекта снежного кома в плане обучения и подготовки.

4. Функция “ангела-хранителя”

Разумеется, выбор определений функций в настоящей работе достаточно произволен и субъективен, и вполне уместен вопрос, что означает эта функция “ангела-хранителя”. Как явствует из названия, она заключается в том, чтобы наблюдать за самим международным гуманитарным правом с целью его защиты от тех, кто может пошатнуть его основы или ослабить его действенность, либо пренебрегая им, либо слишком непосредственно его затрагивая. Данная функция, естественно, тесно связана с функцией отслеживания, и может способствовать развитию этой деятельности, но она обладает собственными характеристиками и требует постоянного внимания, что подтверждается приводимыми ниже примерами из недавнего прошлого.

Когда готовился текст Конвенции ООН о правах ребенка, предложенные положения по защите детей во время войны устанавливали меньшую степень защиты по сравнению с положениями Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Такое противоречие в нормах безусловно явилось бы фактором, ослабляющим международное гуманитарное право, и представителям государств и МККК пришлось вмешаться, чтобы составить приемлемый текст и внести исключаящую оговорку с целью сохранения достижений международного гуманитарного права⁵².

Еще одним примером подобной необходимости “защиты” гуманитарного права с целью сохранения достигнутого могут служить шаги, которые предпринимаются для обеспечения более надежной защиты перемещенных лиц, о чем уже говорилось выше. В связи с этим следует обратить внимание на то, что лица, перемещенные в ходе вооруженных конфликтов, попадают под действие международного гуманитарного права и входят в состав гражданского населения в целом, которому должна предоставляться защита от последствий боевых действий. Подчеркнуть это обстоятельство было особенно важно, поскольку ни в коем случае нельзя рассматривать защиту перемещенных лиц в отрыве от защиты остального гражданского населения. Перемещенных лиц обычно расселяют в местах, где условия жизни уже составляют желать много лучшего. Появление перемещенных лиц усугубляет эти трудности, и необходимо принимать меры по предотвращению или хотя бы сглаживанию противоречий, которые возникают между местным населением и перемещенными лицами. Поэтому и в данном случае было вполне оправданно привлечь внимание к существованию международного гуманитарного права и тому, как указанный вопрос рассматривается этим

правом, прежде чем предпринимать какие-либо действия по разработке норм, в которых не учитывались бы положения этого права.

В качестве третьего примера можно привести Конвенцию о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала, разработанную и принятую ООН⁵³. В данном случае идея также возникла на основе реальной проблемы, безусловно требующей изучения и обсуждения. Однако и здесь необходимо было защищать международное гуманитарное право, поскольку самые основы его были поставлены под вопрос. Ясно, что эта отрасль права зиждется на идее разделения обязательств, касающихся причин, лежащих в основе конфликта, и обязательств, относящихся к ведению боевых действий. Это важнейшее различие было поставлено под угрозу предложением наказывать за любые нападения на персонал ООН, невзирая на то, что ООН или получившие мандат ООН войска согласно статье 42 и следующим Устава ООН могут принять участие в военных действиях. В таких случаях применение наказания против солдат страны, где были размещены войска ООН, только за то, что они оказали сопротивление этим войскам, отнюдь не способствовало бы соблюдению ими международного гуманитарного права: какой смысл, могут подумать они, вести себя достойно, если тебя все равно запишут в преступники? Поэтому важно, чтобы солдат судили за нарушение права, а не за политические решения их руководителей, отвечать за которые они не могут. Закрепить это существенно важное различие в Конвенции удалось лишь после долгих споров⁵⁴.

Было и много других случаев, когда ставились под угрозу достижения международного гуманитарного права, правда, больше по незнанию, чем по злему умыслу. Взять, например, понятие наемников в Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г.⁵⁵, или концепцию “серьезных” военных преступлений, выдвинутую Комиссией по Международному праву, которая могла бы подорвать сами основы понятия “военные преступления”⁵⁶. Эти несколько примеров показывают, что международное гуманитарное право, к сожалению, до сих пор не до конца понимают даже в дипломатических кругах, где составляются нормы, накладывающиеся на некоторые из его положений. Вот почему гуманитарное право так нуждается в ангеле-хранителе, который придет ему на помощь в нужный момент.

5. Функция непосредственного действия

Это, безусловно, самая важная из функций МККК, и о ней можно сказать многое. С действий по защите жертв конфликта начал свою миссию Анри Дюнан, и именно непосредственные действия по оказанию помощи таким жертвам, являются первоочередной задачей МККК. МККК присутствует при каждом конфликте; он посещает пленных, чтобы обеспечить им сносные условия содержания и возможность контакта с родными, помогает ухаживать за ранеными и предпринимает

усилия по защите всего гражданского населения от последствий боевых действий, которые все больше отражаются именно на нем. В последние годы, начиная с конфликта в Биафре (Нигерия) эта функция приобрела самые широкие масштабы. В самом деле, подавляющее большинство конфликтов происходило в странах, где основная масса жителей, едва сводивших концы с концами и в начале конфликта, была доведена до состояния нищеты и зависимости от посторонней помощи. В результате МККК приобрел значительный опыт и знания в таких различных вопросах, как помощь содержащимся под стражей, розыск пропавших без вести, военная хирургия, реабилитация лиц с ампутированными конечностями, здравоохранение, санитария, питание и снабжение пригодной для питья водой, не говоря о материально-техническом обеспечении, закупках, транспорте и складировании. Опыт МККК заставляет его серьезно и долго обдумывать операции по оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях и влияние этих операций не только на систему здравоохранения, но и на социальную структуру и культуру данной страны; необходимость принимать предупредительные меры во время самого конфликта с тем, чтобы население не попало в постоянную зависимость от помощи и чтобы предотвратить эскалацию насилия и ненависти; наилучшие возможные способы распространения знаний о международном гуманитарном праве в военное и мирное время, о чем уже шла речь выше. Все это, безусловно, заслуживает более подробного рассмотрения, чем позволяет нам отведенное здесь место, но можно обсудить один более конкретный вопрос, а именно, в какой степени функция непосредственного действия в ходе вооруженного конфликта совпадает с функцией хранителя международного гуманитарного права.

Международное право четко оговаривает права и обязательства сторон в вооруженном конфликте и его жертв. Комбатанты обязаны щадить гражданское население и гуманно обращаться с пленными. Что касается жертв, то все они имеют право на гуманное обращение; раненые — право на уход, пленные — на нормальные условия содержания, а население — на то, чтобы располагать средствами, необходимыми для выживания. Таким образом, операции МККК на местах очевидно являются частью его функции хранителя международного гуманитарного права, поскольку цель эти операций — обеспечить практическое применение норм этого права. МККК делает это двумя путями. Первый — привлекает внимание сторон к их обязательствам, регулирующим отношение к жертвам, равно как и средства и методы ведения войны, и указывает на любые случаи невыполнения этих обязательств. Второй путь — защищает пострадавших и непосредственно оказывает им помощь, которая способствовала бы преодолению неизбежно возникающих проблем, замеченных делегатами в подобных обстоятельствах.

По какому праву МККК может напоминать сторонам в вооруженном конфликте об их обязательствах — отчитывать их, если можно так

выразиться? Это право предоставлено ему самим гуманитарным правом, а, значит, и всеми государствами, разработавшими и принявшими его нормы. Гуманитарное право предусматривает, что оно должно применяться “при содействии и под контролем” Держав-Покровительниц⁵⁷, и просит МККК предложить свои услуги, если не находится государства, которое взялось бы выполнять эту роль. Оно также наделяет МККК правом инициативы, с тем чтобы он мог предпринимать любые действия, какие сочтет необходимыми для помощи жертвам конфликта. Поскольку система Держав-Покровительниц почти никогда не работала⁵⁸, МККК практически пришлось брать всю тяжесть контрольной функции на себя. Чтобы государства согласились с тем, что эту функцию выполняет не международная организация в строгом смысле слова, а организация, на которую правительства не имеют влияния, она должна исполнять эту роль с безупречной честностью и в четко ограниченных пределах. Поэтому очень важно, чтобы в ситуации конфликта МККК не увлекался морализаторством в отношении всех и вся. Он должен призывать лишь к соблюдению международного гуманитарного права, которое само по себе достаточно обширно. В этом и заключается смысл принципа нейтральности, принципа, который общественность часто понимает неверно. Необходимо занимать твердую и четкую позицию в борьбе против нарушений международного гуманитарного права и невыполнения его положений; здесь нейтральность не налагает никаких ограничений. С другой стороны, нейтральность обязывает МККК оставаться в стороне от политических проблем, вызвавших конфликт, поскольку очевидно, что если бы МККК пустился в споры по этим проблемам, доверие к нему было бы неизбежно утрачено, что в свою очередь поставило бы под угрозу диалог и деятельность, направленные на укрепление уважения к гуманитарному праву. Словом, гуманитарные проблемы должны оставаться в стороне от политики, равно как и политика не должна пытаться вмешиваться в гуманитарные вопросы.

Первый путь, который включает в себя необходимость установить связи со всеми сторонами в вооруженном конфликте и убедить их соблюдать формы права, требует большого терпения и упорства, особенно если речь идет об установлении контактов с повстанцами в ситуации внутреннего конфликта. Реальные результаты могут, конечно, разочаровать, если замечать только нарушения, происходящие несмотря на предпринимаемые усилия; однако удается достигать и значительных успехов, которые, увы, слишком часто остаются не оцененными по достоинству. Тем не менее, первый путь является важным средством воплощения в жизнь международного гуманитарного права, широко признанным в качестве наиболее приемлемого способа достижения поставленной цели. Кроме того, благодаря ему МККК часто остается единственным связующим звеном между сторонами в конфликте, которые подчас хотят использовать это звено для переговоров по вопросам, выходящим за пределы международного гуманитарного права. В таких

случаях МККК не отказывается от содействия ведению политических переговоров и, соответственно, помощи в восстановлении мира, при условии, что его не будут втягивать в решение вопросов, связанных с причинами конфликта⁵⁹.

Второй аспект функции непосредственного действия — а это, как уже говорилось выше, практическая помощь пострадавшим — включает в себя проведение весьма сложных операций и поднимает проблемы в плане выбора приоритетов. МККК необходимо представлять себе полную картину всех ситуаций, чтобы иметь возможность направить свою помощь туда, где она больше всего нужна. Общественное мнение наиболее остро реагирует на ситуации, находящиеся в центре внимания журналистов, и правительства знают это. В результате в одних ситуациях находятся и денежные средства, и множество гуманитарных организаций, иные из которых заслуживают доверия, иные — не совсем. Другие же операции остаются не охваченными так называемым “благотворительным бизнесом”. Поэтому долг МККК — привлечь внимание к операциям, которые уже исчезли с первых полос газет и из телевизионных выпусков новостей, поскольку проводятся либо в отдаленных местах, либо в ситуациях, принявших застойный характер и ставших неинтересными для средств массовой информации. Защита забытых жертв подобных ситуаций безусловно является одной из обязанностей хранителя международного гуманитарного права, который должен распространять свое покровительство на всех, кто находится в сфере его действия, без какой-либо дискриминации. Сегодня существует так много гуманитарных организаций, что необходимы эффективные консультативные механизмы; было бы непозволительно растрачивать энергию и ресурсы, когда потребности столь огромны и далеко не удовлетворены. В данной работе невозможно подробно рассмотреть эту сложную проблему, однако о ней необходимо упомянуть, поскольку усилия, направленные на достижение большей результативности гуманитарной деятельности, также способствуют более эффективному применению международного гуманитарного права. Именно поэтому МККК ведет работу по установлению диалога с основными организациями, осуществляющими программы по оказанию гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях, с целью определения общих этических норм, которые повысят действенность их работы и поднимут их репутацию⁶⁰.

Итак, МККК должен оценить со всех точек зрения ситуации, с которыми он не может справиться без посторонней помощи, чтобы определить, в каких областях необходимо сотрудничество с другими составными частями Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца (здесь очень важно то, что почти во всех странах

мира он может рассчитывать на помощь национальных обществ постольку, поскольку они достаточно твердо стоят на ногах и результативно работают); в каких областях МККК должен рассчитывать только на свои силы; и наконец, где ему нужно действовать в тесном взаимодействии с другими организациями, правительственными или неправительственными, чтобы там, где это необходимо, их усилия дополняли друг друга.

6. Функция сторожевого пса

Как уже говорилось выше, МККК рассматривает свою работу по содействию соблюдению норм международного гуманитарного права сторонами в вооруженном конфликте как часть функции “непосредственного действия”. Эта работа действительно тесно связана с операциями на местах и наблюдениями, которые делаются во время этих операций. Однако существует много доказательств того, что даже когда она сочетается с непосредственными действиями МККК, дополняемыми деятельностью других организаций, все же имеют место серьезные изъяны и грубые нарушения в соблюдении международного гуманитарного права.

Здесь и приходится прибегать к функции сторожевого пса, то есть МККК бьет тревогу.

МККК часто обвиняют в том, что он молчит, когда нужно публично выступить, и недостаточно работает над тем, чтобы международное сообщество получало сведения о тех или иных неприемлемых ситуациях. Именно в этом прежде всего упрекают МККК, говоря о его деятельности во время второй мировой войны, деятельности, которая подвергалась придирчивому изучению по документам, хранящимся в архивах Комитета, и стала предметом ряда публикаций⁶¹. Мы не будем вдаваться сейчас в подробности, однако интересно рассмотреть, каково содержание функции “сторожевого пса” в настоящее время.

На основании своего опыта МККК принял ряд документов, содержащих общие принципы, которыми он руководствуется в случаях, когда требуется реагировать на нарушения международного гуманитарного права⁶². Сдержанность, которую МККК традиционно проявлял в этой сфере, была наиболее частым источником недоразумений, возникающих по отношению к Комитету, поскольку ее ошибочно выводят из принципа нейтральности. Это говорит о неверном истолковании данного принципа. На самом деле единственная цель МККК в связи с нарушениями международного гуманитарного права — сделать все возможное для защиты жертв от новых таких нарушений. Конечно, не обязательно начинать с публичного разоблачения; МККК предпочитает начинать с установления диалога с воюющими сторонами. Кроме того, важно обладать достоверной информацией, прежде всего выступать с обвинениями. МККК ведет себя так сдержанно, потому что хочет сохранить доступ к жертвам. Предъявление обвинений до переговоров

с властями, и что еще хуже, построение обвинений на основе ненадежных данных неизбежно приводит к потере доверия властей, с которыми МККК должен работать. Поэтому, как правило, только в тех случаях, когда диалог с властями не приносит результатов, МККК взывает к международному сообществу, считая это лучшим способом сдвинуть дело с мертвой точки. Иногда, конечно, разоблачение властей сопряжено с риском прекращения всей операции, либо потому, что присутствие МККК может быть объявлено нежелательным, либо потому, что делегаты МККК будут подвергаться опасности. Вот почему МККК принимает такое решение, только тщательно взвесив все “за” и “против”, изучив вопрос, причем основное значение придается прежде всего интересам пострадавших — как в данный момент, так и в долгосрочной перспективе. Это вовсе не обязательно означает, что процесс будет долгим; там, где время является определяющим фактором, например, в случае запрещенных бомбардировок или обстрела, МККК может отреагировать в течение суток⁶³.

Приняв такое решение, МККК осуществляет его прежде всего на основе международного гуманитарного права, напоминая всем государствам-участникам Женевских конвенций об их общем обязательстве “заставлять соблюдать”⁶⁴ Конвенции. То, каким образом МККК делает подобного рода напоминания, а главное, как выполняется содержащееся в них требование, то есть как принимается решение о практических действиях, необходимых для того, чтобы убедить воюющие стороны положить конец нарушениям, вызывает множество вопросов, на которые нельзя дать короткий ответ и которые мы здесь не будем рассматривать⁶⁵.

Хронический характер некоторых нарушений международного гуманитарного права уже не является единственной или даже главной причиной обращений МККК к международному сообществу. Ведь благодаря широчайшему освещению практически всех конфликтов в средствах массовой информации лишь немногие нарушения удается скрыть надолго, так что необходимость в реакции на них МККК возникает редко. И все же, иногда становится просто невозможно проводить гуманитарную деятельность на всей или части территории, охваченной вооруженным конфликтом. В последнее время это случается в двух видах ситуаций.

Первый — когда стороны в конфликте или хотя бы одна из них отвергают основные принципы международного гуманитарного права, поскольку эти принципы противоречат их целям. Так бывает в конфликтах, в основе которых лежит расовая ненависть, особенно если возникают тенденции к геноциду; очевидно, что если целью является просто уничтожение расы или этнической группы, то для гуманитарной деятельности нет места. Изгнание с целью проведения “этнической чистки” также глубоко противоречит основным принципам международного гуманитарного права. Вот почему гуманитарная деятельность, которая

проводилась в бывшей Югославии, несмотря на свои колоссальные масштабы, терпела серьезные неудачи и оставила неприятный осадок⁶⁶.

Второй вид ситуаций, при которых перед гуманитарной деятельностью встают непреодолимые препятствия, — это распад государственных структур. Как международное гуманитарное право, так и гуманитарная деятельность зависят от возможности диалога с властями, которые в состоянии выполнять взятые на себя обязательства. Когда от власти не остается и следа, конфликт уже ничем не сдерживается, и место организованных боевых действий, где уважаются хоть какие-то принципы, занимают анархия и бандитизм. В такой ситуации гуманитарную деятельность также невозможно продолжать, поскольку было бы немисливо сознательно рисковать жизнью делегатов в условиях отсутствия уважения к чему бы то ни было. Положение именно такого рода заставило МККК отозвать своих делегатов из Либерии.

В обоих описанных выше случаях МККК должен выступить в роли “сторожевого пса”. Он должен предупредить сообщество наций, а особенно Совет Безопасности ООН, призванный устанавливать и поддерживать мир, что МККК в сложившихся обстоятельствах не может сделать ничего или почти ничего. Масштабы проблем далеко превосходят возможности гуманитарной помощи, и МККК обязан заявить об этом, чтобы гуманитарная деятельность не сделалась прикрытием для политического бездействия. В таких ситуациях, которые, к счастью, являются исключительными, все, что можно сделать, — что передать инициативу политикам.

Следует заметить, что в наши дни разоблачение часто служит скорее тому, чтобы сделать разоблачителя центром внимания, нежели тому, чтобы исправить положение. Теперь уже недостаточно просто информировать — нужно обеспечивать привлечение виновных к ответственности. Сторожевой пес должен лаять с умом.

Заключительные замечания

Цель данной статьи — дать представление о масштабах и сложности функции хранителя международного гуманитарного права, которую международное сообщество поручило выполнять МККК. Категории, выбранные для того, чтобы охарактеризовать эту функцию, безусловно, субъективны. Это и неважно — ведь они служат лишь средством для того, чтобы описать все аспекты этой функции как можно более исчерпывающим образом.

Сама широта и сложность задачи может показаться обескураживающей. Напрасно: хранитель не является гарантом, и МККК не может считать себя ответственным за каждое нарушение международного гуманитарного права. Это было бы слишком тяжелым бременем. Роль хранителя, напротив, представляет собой ценнейшее дополнение гуманитарной деятельности, поскольку она служит источником непрерыв-

ного осмысления этой деятельности и раздумий о том, как сделать ее более эффективной.

Кроме того, роль хранителя выполняется не в одиночку. Более чем когда-либо ранее, она должна рассматриваться как мобилизующая сила, которая постоянно защищает гуманитарные ценности в разгар кризисов — в военное время, когда о них, как правило, забывают, и которая служит для настойчивого доказывания их важности в мирное время, когда никто не хочет о них думать.

Но прежде всего роль хранителя международного гуманитарного права должна рассматриваться как проявление веры. Было бы невыносимо работать в гуще конфликта, среди ужасов войны, без надежды на лучшее будущее и без веры в человечество. Хранитель международного гуманитарного права должен стоять на стороне тех, кто несмотря ни на что, даже при наихудшем положении вещей, исполнен несокрушимой веры в ценности, на которых зиждется это право. И автор данной работы счастлив нести свой скромный вклад в тот сборник, посвященный выдающемуся человеку, который защищал эти ценности вопреки всему, и чья позиция свидетельствует о том, что хранитель просто не имеет права опускать руки.

Сегодня ценность основополагающих принципов международного гуманитарного права выходит за пределы их изначальные сферы действия и значения. Человечность во время войны, сострадание к жертвам, беспристрастность, то есть готовность не делать какого бы то ни было неблагоприятного различия по расовым, национальным, религиозным, социально-классовым и другим признакам, должны восприниматься в качестве важнейших ценностей и в мирное время. Уважение к каждому человеку, сочувствие к тем, кто страдает, — это ценности, на которых должно строиться будущее мира. Защищая эти ценности и во время войны, хранитель международного гуманитарного права также борется с чувствами беспомощности и страха, которые вселяют в людей безразличие друг к другу и разобщают их.

Несмотря ни на что, а подчас и несмотря ни на кого, хранитель международного гуманитарного права должен смотреть в будущее с надеждой.

¹ См. Pierre Boissier, *From Solferino to Tsushima: History of the International Committee of the Red Cross*, Henry Dunant Institute, Geneva, 1985, p. 54 ff.; François Bugnion, *Le Comité international de la Croix-Rouge et la protection des victimes de la guerre*, Genève, ICRC, 1994, p. 11 ff.

² Об этих принципах см. Jean Pictet, *Red Cross Principles*, ICRC, Geneva, 1956; и *The Fundamental Principles of the Red Cross*, Commentary, Henry Dunant Institute, Geneva, 1979.

³ Анри Дюнан, *Воспоминание о битве при Сольферино*, МККК, Москва, 1995.

⁴ См. Bugnion, *op. cit.*, p. 78 ff.

⁵ Этот Устав включен в *Сборник уставов и других документов Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца*, Москва, МККК, 1995, с. 9—31.

⁶ Составные части Движения — это Международный Комитет Красного Креста, национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца (в настоящее время их 170) и Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

⁷ В настоящее время участниками Женевских конвенций являются 199 государств.

⁸ См. ст. 38 первой Женевской конвенции; а также Ф. Бюньон “Эмблема красного креста. Краткая история” в сборнике “*Эмблема. История и современность*”, МККК, Москва, 1998, и посвященные данному предмету статьи в специальном выпуске *International Review of the Red Cross (IRRC)*, № 272, September-October 1989 (Yves Sandoz, François Bugnion, Habib Slim, Antoine Bouvier, Michael A. Meyer).

⁹ Малайзия и Бангладеш.

¹⁰ В Резолюции 3, п. 4(d), 1995 г. Совет делегатов просил Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца уделить внимание этой проблеме. См. *Международный журнал Красного Креста (МЖКК)*, № 8, январь-февраль 1996, с. 141.

¹¹ Этим сейчас занимается Генеральная Ассамблея ООН. См. резолюции 827 от 25 мая 1993 г. и 955 от 8 ноября 1994 г. об учреждении специальных трибуналов соответственно по бывшей Югославии и Руанде; а также Отчет Комиссии международного права о работе ее 48-й сессии, май-июль 1996 г., документ A/51/10; и Отчет рабочей группы по проекту устава международного уголовного суда, Генеральная Ассамблея ООН, март-апрель и август 1996 г., документ 22/A/51/22.

¹² Особенно общих статей 49/50/129/146 четырех Женевских конвенций и статей 75, п. 7, и 85 Протокола I.

¹³ См. примечание 7, выше. Только Эритрея, Маршалловы острова и Науру до сих пор не стали участниками Конвенций.

¹⁴ На 1 октября 1996 г. 146 государств были участниками Протокола I и 138 — Протокола II.

¹⁵ По этому вопросу см. Toni Pfanner, “Le rôle du Comité international de la Croix-Rouge dans la mise en oeuvre du droit international humanitaire”, in: *Le droit face aux crises humanitaires: de l'efficacité du droit international dans les conflits armés*, European Communities Official Publications Office, Luxembourg, 1995, pp. 177—248.

¹⁶ В соответствии со статьей 98, пп. 1 и 2, МККК должен регулярно консультироваться с государствами относительно необходимости пересмотра Приложения и, если они согласятся, созывать совещания экспертов для подготовки поправок.

¹⁷ См. Предисловие ко второму изданию “*Руководства по использованию технических средств опознавания госпитальных судов, прибрежных спасательных плавучих средств, других плавучих средств, находящихся под защитой, и санитарных летательных аппаратов*”, Жеральда Кодрэ и Антуана Бувье, МККК, Москва, 1997. Новое Приложение I вступило в силу 1 марта 1994 г.

¹⁸ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, принята в Женеве 10 октября 1980 г.

¹⁹ См. ст. 8, особенно п. 3(b), этой Конвенции.

²⁰ *Anti-personnel landmines: Friend or Foe? A study of the military use and effectiveness of anti-personnel mines*, a study commissioned by the International Committee of the Red Cross, Geneva, 1996.

²¹ *Blinding weapons: Report of the meetings of experts convened by the International Committee of the Red Cross on battlefield laser weapons 1989—1991*; Louise Doswald-Beck ed., ECRC, Geneva, 1993.

²² Протокол об ослепляющем лазерном оружии (Протокол IV), принят 12 октября 1995 г. 9UN/CCW/CONF.I/7).

²³ См., например, Луиза Досвальд-Бек. Новый протокол об ослепляющем лазерном оружии. *МЖКК*, № 10, май-июнь 1996, с. 285—320.

²⁴ Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3—14 июня 1992 г.).

²⁵ См. Antoine Bouvier, "Protection of natural environment in time of armed conflict", *IRRC*, № 285, November-December 1991, pp. 567—578; и *Environmental protection and the law of war: A fifth Geneva Convention of the protection of natural environment in time of armed conflict?* Glen Plant, London, 1992.

²⁶ См. Antoine Bouvier, "Recent studies on the protection of the environment in time of armed conflict", *IRRC*, № 291, November-December 1992, pp. 554--566.

²⁷ Сопровождение экспертов по защите окружающей среды во время вооруженных конфликтов, Женеве, 27—29 апреля 1992 г.: Доклад о работ совещания, Женеве, сентябрь 1992, представленный под номером 136 в повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН (Шестой комитет), который привел к принятию резолюции A/47/37 от 25 ноября 1992 г. Совещание экспертов по защите окружающей среды во время вооруженных конфликтов, Женеве, 25—27 января 1993 г.: Доклад о работе совещания, Женеве, апрель 1993, представленный под номером 142 в повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН (Шестой комитет), который привел к принятию резолюции A/48/30 от 9 декабря 1993 г.

²⁸ Приложение к докладу Генерального секретаря по защите окружающей среды во время вооруженных конфликтов (A/48/269) от 29 июля 1993 г.: "Руководящие принципы для военных уставов и инструкций по охране окружающей среды в периоды вооруженных конфликтов".

²⁹ *Симпозиум о вопросам гуманитарной деятельности и осуществления операций по поддержанию мира, Женеве, 22-24 июня 1994 г.*, Отчет, под редакцией Умеша Палванкара, МККК, Москва, 1995.

³⁰ Г-н Франсис Денг, назначенный резолюцией 1992/73 от 5 марта 1992 г. во время 48-го заседания Комиссии по правам человека.

³¹ *Persons displaced within their own country*, Report of the Symposium, Geneva, 23—25 October 1995, ICRC, Geneva, 1996.

³² См. резолюцию 1, п. 4 (и Приложение II.И) XXVI Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца, Женеве, 1995 г.

³³ См., например, Theodor Meron, "The continuing role of custom in the

formation of international humanitarian law”, *American Journal of International Law*, Vol. 90, № 2, April 1996, pp. 238—249.

³⁴ См. документ A/46/182 от 19 декабря 1991 г.: *Strengthening of the co-ordination of humanitarian emergency assistance of the United Nations Organisation*.

³⁵ См. доклад Комиссии международного права о работе ее 47-й сессии, 2 мая — 21 июня 1995 г., и Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (A/CN.4/L.506) от 22 июня 1995 г.

³⁶ См. XIX “круглый стол” по актуальным проблемам международного гуманитарного права, *МЖКК*, № 4, май-июнь 1995, с. 423—432.

³⁷ См. XXth Round table and International Congress: “United for the respect of international humanitarian law”, 6—9 September 1995 (XX “круглый стол” и Международный конгресс “Единение в соблюдении международного гуманитарного права”, 6—9 сентября 1995 г.), где, среди прочего, обсуждались вопросы, касающиеся XXVI Международной Конференции Красного Креста и Красного Полумесяца (обычное право, консультативная служба, следование рекомендациям Группы межправительственных экспертов по защите жертв войны).

³⁸ См. XXIst Round Table: “Armed conflicts and disintegration of States: humanitarian challenge”, 2—5 September 1996 (XXI “круглый стол” “Вооруженные конфликты и распад государств: гуманитарная проблема”, 2—5 сентября 1996 г.)

³⁹ См. Луиза Досвальд-Бек. Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море. *МЖКК*, № 7, ноябрь—декабрь 1995, с. 714—728.

⁴⁰ С 18 по 20 ноября 1996 г.

⁴¹ О содействии распространению, в частности, Hans-Peter Gasser, “Universal acceptance of international humanitarian law: Promotional activities of the ICRC”, *IRRC*, № 302, September—October 1994, pp. 450—457.

⁴² См. также “National measures to implement international humanitarian law”: Resolution V of the 25th International Conference of the Red Cross, Geneva, 1986; и Maria Teresa Dutli, “Implementation of international humanitarian law: Activities of qualified personnel in peacetime”, *IRRC*, № 292, January—February 1993, pp. 5—11.

⁴³ Среди этих семинаров отметим следующие:

— Имплементация международного гуманитарного права: региональный семинар для стран Прибалтики, Рига, Латвия, 22—23 ноября 1995 г., Доклад;

— Региональный семинар по имплементации международного гуманитарного права и права культурного наследия, Ташкент, Узбекистан, 25—29 сентября 1995 г., Доклад;

— Национальные семинары по имплементации международного гуманитарного права: региональные семинары в Африке: в Зимбабве (10—17 февраля 1996 г.; 23—26 февраля 1996 г. и 2—5 марта 1996 г.); Намибии (18—23 февраля 1996 г.); Замбии (26 февраля — 1 марта 1996 г.); Южной Африке (5—6 марта 1996 г.), Доклад;

— Национальные семинары по имплементации международного гуманитарного права: региональные семинары в Закавказье: Баку, Азербайджан (6—7 мая 1996 г.); Ереван, Армения (9—10 мая 1996 г.); Тбилиси, Грузия (13—14 мая, 1996 г.), Доклад.

⁴⁴ См. Пол Берман “Консультативная служба МККК по международному гуманитарному праву: проблема выполнения МГП на национальном уровне”, *МЖКК*, № 10, май-июнь 1996, с. 364—375.

⁴⁵ Совещание 24—25 октября 1996 г., Женева (доклад готовится).

⁴⁶ Статьи 47 первой Конвенции, 48 второй Конвенции, 127 третьей Конвенции и 144 четвертой Конвенции, ст. 83 Протокола I и ст. 19 Протокола II.

⁴⁷ См., например, *Study guide of the International Red Cross and Red Crescent Movement*, изданный в июне 1991 г., и Приложение II.IV к Резолюции I XXVI Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца, *МЖКК*, № 8, январь—февраль 1996, с. 84—85.

⁴⁸ См., например, *Law of war: Prepared for action. A guide for professional soldiers*, ICRC, Geneva, 1995.

⁴⁹ См., например, Jean de Preux, “The Geneva Conventions and reciprocity” *IRRC*, № 244, January—February 1985, pp. 25—29.

⁵⁰ См., в частности, Theodor Meron, *Human Rights in Internal Strife*, Grotius, 1987, 172 pp. Заслуживают также упоминания материалы встречи экспертов в Турку, Финляндия — см. Hans-Peter Gasser, “Internal disturbances and tensions: New Draft Declaration of Minimum Humanitarian Standards”, *IRRC*, № 282, May-June 1991, pp. 328—336. См. также Gustav Daniker, *The guardian soldier: On the nature and use of future armed forces*, United Nations, UNIDIR, September 1995 (Research papers, 3 36).

⁵¹ См. ICRC *Annual Report* 1995, pp. 281—287 (Dissemination of international humanitarian law), ICRC, Geneva, 1996.

⁵² Конвенция была принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи 20 ноября 1989 г.; в статье 38 говорится о детях в связи с вооруженными конфликтами. По подготовке этой Конвенции см. Франсуаза Криль. *Защита детей во время вооруженных конфликтов*. МККК, Москва, 1994.

⁵³ Конвенция была принята на основе консенсуса 9 декабря 1994 г. (резолюция A/49/59 и приложение к ней). См. Антуан Бувье. “Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала”. *МЖКК*, № 7, ноябрь—декабрь 1995 г., с. 778.

⁵⁴ См. ст. 20.

⁵⁵ См. Report of the Ad Hoc Committee on the drafting of an international convention against the recruitment, use, financing and training of mercenaries. UN General Assembly, official documents: 44th session, Supplement 3 43 (A/44/43) and draft resolution A/C.44/L.10* adopted without a vote on 21 November 1989.

⁵⁶ См. проект Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества, разработанный Комиссией по международному праву, документ A/CN.4/466 от 24 марта 1995 г., и обращение МККК и Генеральной Ассамблеи ООН от 1 ноября 1995 г., с особой ссылкой на ст. 22 проекта.

⁵⁷ Статьи 8/8/8/9, общие для четырех Женевских конвенций, и статья 5 Дополнительного протокола I 1997 г. См. также комментарий к этой статье в работе *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Sandoz, Swinarski, Zimmermann eds., Martinus Nijhoff/ICRC, Geneva, pp. 75—89.

⁵⁸ См. Georges Abi-Saab, *Les mécanismes de mise en œuvre du droit humanitaire*, *Revue générale de droit international public*, № 1(1978) pp. 103—129.

⁵⁹ См. François Bugnion, *op. cit.*, сноска 1, pp. 803—808, 1096—1110 ff/; Hans Haug, “Can the Red Cross contribute to safeguarding peace?” *IRRC*, 3 240, May-June 1984, pp. 127—139; and Yves Sandoz, “The Red Cross and peace: Realities and limits”, *Journal of Peace Research*, Vol. 24, 3 3, September 1987, Special issue on humanitarian law of armed conflict.

⁶⁰ См. Кодекс поведения Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца и неправительственных организаций (НПО) при осуществлении операций помощи в случае стихийных бедствий и катастроф, и Резолюцию 4 XXVI Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца, *МЖКК*, № 8, январь—февраль 1996 г., с. 118, 69.

⁶¹ Самая известная из них — Jean-Claude Favez, *Une mission impossible*, Payot, Lausanne, 1988.

⁶² См. “Action by the International Committee of the Red Cross in the event of breaches of international humanitarian law”, *IRRC*, 3 221? March-April 1981, pp. 76—83.

⁶³ См. Yves Sandoz, “Appel du CICR dans le cadre du conflit entre l’Irak et l’Iran”, *Annuaire français du droit international*, 1983, pp. 161—173.

⁶⁴ См. Luigi Condorelli and Laurence Boisson de Chazournes, “Quelques remarques à propos de l’obligation des États de respecter et faire respecter le droit international humanitaire ‘en toutes circonstances’”, in *Studies and essays on international humanitarian law and Red Cross principles in honour of Jean Pictet*, C. Swinarski ed., ICRC/Martinus Nijhoff, Geneva/The Hague, 1984, pp. 17—35.

⁶⁵ См. Умеш Палванкар, “Меры, с помощью которых государства могут выполнить свое обязательство обеспечить соблюдение международного гуманитарного права”, в сборнике *Имплементация международного гуманитарного права*, МККК, Москва, 1998, с. 345—368.

⁶⁶ См. Michèle Mercier, *Crimes without Punishment: Humanitarian Action in Former Yugoslavia*, Pluto Press, London and East Haven, Conn., 1995; Yves Sandoz, “Réflexions sur la mise en œuvre du droit humanitaire et sur le rôle du Comité international de la Croix-Rouge en ex-Yougoslavie”, *Revue suisse de droit international et de droit européen*, 4/1993, pp. 461—490; Jean-François Berger, *The humanitarian diplomacy of the ICRC and the conflict in Croatia (1991—1992)*, ICRC, Geneva, 1995; а также статьи Милана Саховича, Боско Яковлевича и Константина Обрадовича в издании *Revue yougoslave de droit international*, Nos. 2—3, Belgrade, 1992.